

Резиденция Ханзо Саламандры. По прибытию группы из Водоворота.

- Смотрю, ты всё-таки поймал их.

Отдав все положенные этикетом слова и поклоны, Курама скользнул скептическим взглядом по молодым лидерам Акацуки. Задержав его на красноволосом юноше с завязанными глазами, он вернул всё своё внимание хозяину этого места.

- Было сложно?

- Не настолько, как могло бы быть, не предупреди Узушио о них. - Благосклонно усмехнулся Ханзо, заставив двоих из трёх Акацуки впиться взглядами в Узумаки. Третий по физическим причинам сделать этого не мог.

- Что с его глазами?

- Необратимо пострадали в бою...

***

Ханзо Саламандра признан страшным противником. За силу и характер его невозможно не уважать, его жестокость по отношению к врагам невозможно не понять, а его желание защитить свою страну нельзя не принять.

Этому человеку плевать на Каге и другие страны, тех, кого он уважает можно пересчитать по пальцам, и все они хорошо известны, равно, как и их деяния. Что уж говорить, если даже Тройка Великих Саннинов Конохи получила своё имя, пережив бой с ним.

Но Узумаки Курама говорит с ним на равных. И даже немного больше.

Наблюдая за их неспешным разговором, за тем, как они перекидываются шутками, периодически обмениваясь беззлобно уколами, кажется, что они почти друзья...

Они везут в Узушио три свитка, с запечатанными в них шиноби - Конан, Яхико и Нагато. Узумаке нужен только один, но все они понимают, что без первых двух, последний не будет даже разговаривать.

Маки думает, что это была странная миссия. Со странным капитаном, непонятными целями и

удивительным результатом.

Но ему понравилось.

- Значит, "необратимо пострадали в бою"? - Тоширо вчитывается в отчёт и чуть сводит брови. Почти недовольство. - Действительно пострадали, или?..

- Действительно. - Стоящий перед его столом Курама кривит губы в странной усмешке. - Во время боя Саламандру задел один из напарников мальчишки, тот оказался слишком близко, и яд попал в глаза. Их пришлось срочно извлекать, чтобы пацан не помер прямо на поле боя. А без носителя, да ещё и отравленные... Риненган расплзся в зловонную лужицу буквально в руках иренина.

- Мальчика ты не любишь, - сделал вывод Узукаге.

- Не люблю, - согласился Лис. - Слишком наивен, слишком идеалист.

- В его возрасте это простиительно.

Джонин молчит. Любить аловолосого мальчишку ему не за что. Память о прошлой встрече вызывает лишь зубовный скрежет. Хочется выпороть и его и его товарищей. Но лучше их учителя.

Впрочем, Джирайя - это такая совершенно особая тема, на которую он может долго и со вкусом вести философские беседы. Не всегда цензурные, правда, но долгие.

Поэтому, лучше он будет молчать. Слова материальны. Кому, как не ему об этом знать.

Узукаге молчание не прерывает — отчёт подробный, очень важный и в кои-то веки написан по-человечески. Всю остальную документацию Курама ведёт высоким стилем, делая исключения по большим праздникам и чрезвычайно важным вопросам.

Глаза отдыхают, мозги не спешат закипеть на очередном обороте, а Лис молчит и не спешит язвительно комментировать каждое слово.

Просто праздник какой-то.

В целом, Курама ничего не имеет против Узумаки, хорошо к ним относится и терпимо переносит их бушующую энергию, но его отношения с Тоширо можно охарактеризовать только

как "вооружённый нейтралитет".

Оба не в восторге друг от друга, но не уважать не могут. И в этом что-то есть.

Они прекрасно понимают, что без поддержки другого не оберутся проблем. А наличие общего дела заставляет мириться с выбрыками чужого характера. Главное, помнить предел и не переходить чёрту.

- Что ж... - Узумаки откладывает отчёт. - С ними будет непросто.

- Детишки упрямые. - Соглашается Курама. - И сами они, и их учитель постарались, развивая это качество.

- Это так. Но подход к ним найдётся. В этом я не сомневаюсь.

- Не мне спорить.

Кьюби помнит — Узумаки могут многое.

- Ты хорошо поработал. - Правитель Водоворота благодарно прикрывает глаза. - Спасибо.

И Лис почти незаметно опускает подбородок. Благодарность принята.

- Ты свободен.

- Хай.

Шуншин мягко уносит его из резиденции Узукаге.

***

- Вот это, - мальчишка хватается за край рукава хаори и тянет на себя, выставляя вперёд, почти выталкивая. - Мой отец!

***

Курама идёт по многолюдным улицам Узушио, и людской поток огибает его как волны скалу — слабый отвод глаз, его видят, но не придают значения. Лис не любит чужое внимание.

Он идёт и вспоминает, как всё здесь начиналось.

"Это — мой отец!"

Слова, сказанные с такой уверенностью, непоколебимой верой в то, что так и будет, что спорить было бесполезно. В этом весь Наруто. Нужно было догадаться, что мелкий что-нибудь такое выкинет.

Сложно сказать, кто был в большем шоке, он или Тоширо, когда это прозвучало. Курама не готов ответить на этот вопрос.

По крайней мере, не сейчас.

Он проходит мимо чужих домов, сворачивает с широких улиц. Идти недалеко, шуншин перенёс его совсем близко. Можно было бы и прямо домой, но было желание размять ноги.

Кураме нравится ходить в человеческой форме, чувствовать, как работают мышцы, как напрягаются сухожилия, как вес распределяется на кости. Вдыхать полной грудью, ощущая, как лёгкие наполняются воздухом. Тому, кто не провёл несколько тысячелетий в шкуре зверя, этого не понять.

Небольшой дом в два этажа на краю квартала правящей ветви встречает его тишиной и спокойствием. В Узунари — где все здания многоэтажны и крышами подпирают облака, это настоящая редкость и роскошь. Истинное удовольствие.

Он бесшумно открывает дверь и переступает порог.

- Я дома.

По деревянным полам барабанят босые пятки, и в тело врезается золотой метеор.

- Папа!

<http://tl.rulate.ru/book/74287/2107498>